

Апельсиновая кожура

— САМАНАТА —

Наталия САМАНТА

Апельсиновая кожура.

<https://litres.ru/74522662>

SelfPub; 2026

Аннотация

Метод, описанный в романе, существует. Он называется DAF — задержанная слуховая обратная связь, известен с 1950-х годов и помогает примерно двум третям заикающихся. Об этом почти никто не знает. Это одна из причин, по которой написана книга.

Содержание

Содержание.	4
Глава первая. Дождь по жестяному подоконнику.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Наталия САМАНТА

Апельсиновая кожура.

Содержание.

Глава первая. Дождь по жестяному подоконнику.

Глава вторая. Восемь сорок семь.

Глава третья. Задержка.

Глава четвёртая. Апрель в том году.

Глава пятая. Восемь часов до Москвы.

Глава шестая. Прямой эфир.

Глава седьмая. Три часа сорок одна минута.

Глава восьмая. Кабинет без окон.

Глава девятая. Дети.

Глава десятая. Двенадцать миллионов.

Глава одиннадцатая. Письма.

Глава двенадцатая. Черновик.

Глава тринадцатая. Два слова.

Глава четырнадцатая. Май.

Глава пятнадцатая. Ладно.

Глава первая. Дождь по жестяному подоконнику.

В четыре утра Петербург звучал лучше всего. Ася знала это точно, потому что проверяла годами: с трёх до пяти город снимал с себя дневную шкуру — гул шин, чужие разговоры, писк терминалов в «Пятёрочке» — и оставался голым. Слышно было, как остывают трубы. Как в соседней квартире скребёт когтями по ламинату старая такса Марта. Как дождь бьёт по жестяному отливу за окном — не ровно, а с ленцой, вразнобой, будто кто-то невидимый барабанит пальцами и думает, стоит ли начинать разговор. Она лежала на боку, вытянув руку из-под одеяла, и держала диктофон на подоконнике. Пальцы к третьей минуте занемели от холода. Красный огонёк записи тускло дышал в темноте.

Тк. Тк-тк. Тк... тк-тк-тк.

Хороший дождь. Крупный, но неспешный. Такой не запишешь в библиотеке звуков — там дождь всегда стерильный, как из рекламы шампуня. И вот тогда, между двумя ударами капель, в тишину вошло то, чего там быть не должно. Тонкий, ровный, высокий звук. Как будто где-то за стеной, в бесконечности, кто-то держит одну-единственную ноту на скрипке и не собирается её отпускать. Ася закрыла глаза.

Ля. Почти чистое ля первой октавы. Может, чуть выше.

Она перевернулась на спину. Звук поехал вместе с ней — он не был в комнате, он был внутри, в левом ухе, за барабанной перепонкой, в том тёплом лабиринте, который она изучила по картинкам в интернете лучше, чем собственную квартиру.

— Ну привет, — сказала она вслух.

Голос вышел сиплый. Дождь продолжал стучать, и тонкая нота легла поверх него, как царапина на пластинке. Ася нажала «стоп». Огонёк погас. Она положила диктофон на тумбочку, натянула одеяло до подбородка и лежала, слушая, как в левом ухе поёт никому не слышная скрипка. Три недели уже. Сначала только после смен. Потом по утрам. Теперь — всегда, просто днём его заглушает город. Она не сказала никому. В её профессии это было примерно, как если бы дегустатор признался, что у него отваливается язык. В половине девятого она вышла из парадной, и ноябрь сразу же взялся за неё всерьёз. Ветер с Невы шёл по Восьмой линии низом, гнал перед собой мокрые кленовые листья — они шуршали по асфальту с таким звуком, будто кто-то волочил за собой пакет из «Ленты». Дождь перестал, но воздух остался мокрым насквозь: он оседал на щеках, на ресницах, на губах — и был солёным. Всегда в это время года в городе появлялся привкус залива, ржавчины и мокрого камня.

Ася подняла воротник пальто. Пальто было хорошее, чёрное, шерстяное, купленное три года назад, когда деньги ещё водились; на левом рукаве темнело пятно от кофе, которое

она прятала, держа руку в кармане. По дороге она остановилась у сквера. Там, на лавке, каждое утро сидел мужик в оранжевой жилетке и пил чай из термоса — и крышка термоса щёлкала так вкусно, так правильно, металл о металл с лёгким провалом внутрь, что Ася уже дважды порывалась подойти и попросить записать. Сегодня она подошла.

— Извините, — сказала она. — Можно я запишу, как вы закрываете термос?

Мужик посмотрел на неё поверх пара.

— Чего?

— Звук. Мне для работы.

— А ты кто?

— Звукорежиссёр.

Он подумал секунды три. Потом молча завинтил крышку, отвинтил, завинтил снова — медленно, показательно, как фокусник.

— Так пойдёт?

— Идеально, — сказала Ася, глядя на шкалу на экране диктофона. — Спасибо.

— Странная ты, — сказал мужик, но было видно, что ему приятно.

Она пошла дальше, засунув диктофон в карман, и в ухе пело ля. Студия «Пятое эхо» располагалась в бывшей коммуналке на седьмом этаже старого дома на Седьмой линии, и лифт там не работал с апреля. К третьему этажу у Аси начинало жечь под коленями. К пятому она слышала собственное

дыхание так отчётливо, будто его записали на близком плане. На седьмом она остановилась, положила ладонь на облупленную стену — краска была холодная и шершавая, как хлебная корка, — и подождала, пока сердце перестанет чашить. За дверью с табличкой «ООО "Пятое эхо". Звонок не работает, стучите» уже пахло кофе.

— Асёк! — заорал Женя из-за стойки, не оборачиваясь. — Я взял тебе флэт уайт, и ты мне должна двести сорок рублей и извинения.

— За что извинения?

— Заранее.

Женьке было двадцать четыре. Он носил худи с капюшоном на голове даже в помещении, красил кончики волос в синий и утверждал, что сводит треки лучше, чем половина Москвы, — и, как ни обидно, в половине случаев это было правдой. На стойке перед ним горели три монитора и лежал надкусанный сырник в пластиковом контейнере. Ася сняла пальто, повесила на крючок, взяла стакан. Обхватила его двумя руками. Тепло прошло по пальцам вверх, в запястья, и стало почти хорошо.

— Так за что извинения-то?

Женя развернулся на стуле.

Тут-то она и заметила: у него было лицо человека, который полчаса репетировал, как сказать плохое.

— Соловьёв сломал челюсть, — сказал Женя.

Ася поставила стакан на стойку. Очень аккуратно.

— В смысле — сломал челюсть?

— В прямом. В двух местах. Ему её проволокой скрутили. Он теперь сорок дней будет пить бульон через трубочку и мычать.

— Как?..

— На даче. Полез вешать гирлянду, стремянка поехала.

— Женя развёл руками. — Классика. Легенда русского дубляжа побеждена стремянкой.

В коридоре скрипнула дверь аппаратной, и вышла Лидия Марковна. Ей было шестьдесят три, она носила мужские рубашки, курила в форточку кухни, называя это «проветриванием», и двадцать лет назад записывала на этих же микрофонах голоса, под которые выросла вся страна. Сейчас она держала в руке телефон, экраном вниз, как будто боялась, что он снова зазвонит.

— Слышала? — спросила она.

— Слышала, — сказала Ася.

— Тогда садись.

Они сели за кухонный стол — там всегда решались настоящие вещи, а не в переговорной, которой у них и не было. Клеёнка на столе была в мелкий синий цветочек и липла к локтям. Пахло растворимым супом и старой пылью радиаторов. Лидия Марковна положила телефон экраном вниз и накрыла его ладонью.

— Издательство «Пергамент», — сказала она. — Роман «Сорок дней тишины». Тридцать один час чистого звука.

Срок — четырнадцать дней, сдача мастера двадцать девятого ноября, потому что у них релиз завязан на экранизацию и двигать его никто не будет.

— Я помню, — сказала Ася. — Это я вела переговоры.

— Ты вела переговоры. — Лидия Марковна кивнула. — И это единственные деньги, которые закрывают нам аренду до марта и Женькину зарплату. И твою. И ремонт кондиционера во второй кабине, потому что он сейчас гудит на восьмидесяти герцах, и я слышу его даже в своих снах.

— Я знаю.

— Так вот, — сказала Лидия Марковна. — Соловьёв был условием контракта. Не «желательно Соловьёв». Условием. Автор дал согласие на аудио только при нём.

За окном мокрая ветка тополя скребла по стеклу. Ася поймала себя на том, что считает: раз, два, пауза, раз.

— И что теперь? — спросила она. — Ищем замену? У меня есть Гордеев, есть Каминская, если женский голос...

— Нет.

— Лидия Марковна.

— Я звонила в «Пергамент» в семь утра, — сказала та. — Автор сказал: замены не будет.

— То есть контракт горит?

— То есть, — Лидия Марковна наконец сняла ладонь с телефона, — автор читает сам.

Тишина получилась короткая. Даже Женя из-за стены перестал стучать по клавиатуре.

— Он что, диктор? — спросила Ася.

— Он писатель.

— Он когда-нибудь читал у микрофона?

— Не знаю.

— У него хоть голос-то есть?

Лидия Марковна посмотрела на неё поверх очков, и в этом взгляде было всё сразу — и усталость, и извинение, и та особенная стальная нежность, с которой люди отправляют других на минное поле.

— Он придёт в одиннадцать, — сказала она. — Послушаешь.

Он опоздал на сорок минут. К этому времени Ася успела дважды прогреть тракт, проверить фантомное питание, выставить уровни, поменять поп-фильтр (старый пах чужим дыханием), налить воду в графин и поставить на пюпитр в кабине два карандаша — потому что люди всегда почему-то тянутся к карандашу и потом стучат им по столу, и лучше пусть стучат по резинке, чем по грифелю. Ещё она успела разозлиться. Злость была тёплая, привычная, удобная: в ней можно было согреться, как в свитере. Сорок минут. Человек, от которого зависят её ноябрь, декабрь и январь, опаздывает на сорок минут и не пишет ни слова. В одиннадцать сорок в дверь стукнули. Три раза, коротко.

— Открыто! — крикнул Женя.

Ася не обернулась. Она сидела за пультом спиной ко входу и смотрела в экран, где ровной зелёной линией дышала ти-

шина комнаты. Минус шестьдесят два децибела. Хорошая, чистая, дорогая тишина, за которую они когда-то положили на стены четырёхста килограммов минеральной ваты. За её спиной дверь впустила в коридор холод. Она почувствовала его кожей — сквозняк прошёл по щиколоткам, по шее, забрался под ворот свитера. Вместе с холодом в студию вошёл запах: мокрая кожа куртки, табачный дым, которым пропиталась чужая одежда на лестнице, и — совершенно неожиданно — апельсин. Резкий, яркий, зимний. Как будто человек ехал сюда и всю дорогу чистил мандарины.

— Здравствуйте, — сказал он.

И вот здесь Ася сделала то, чего не делала уже очень давно. Она замерла. Голос был низкий, но не бархатный — не тот приторный «радиобас», от которого через десять минут начинает ныть в висках. Он был... глуховатый. С песком. С той самой лёгкой хрипотцой на выдохе, которую невозможно выставить эквалайзером и которую она безуспешно искала у дикторов пятнадцать лет. Он говорил негромко, и от этого хотелось придвинуться.

Одно слово. «Здравствуйте». Три слога — и у неё по предплечьям, от локтя к запястью, прошла волна мурашек. Ася медленно развернулась вместе с креслом. Он стоял в дверях аппаратной, заполняя собой весь проём. Высокий, слегка ссутуленный — как люди, которые всю жизнь проходят под низкими притоками. Тёмная куртка, мокрая на плечах, капли на ней ещё держались бусинами, не впитались.

Волосы тёмные, слипшиеся на лбу от дождя. Лет тридцать пять, может, тридцать восемь. Лицо не красивое — слишком резкое, с тяжёлой челюстью и переносицей, которую явно однажды ломали, — но такое, от которого трудно отвести взгляд, потому что непонятно, что оно сделает в следующую секунду. И ещё: на правой руке, на костяшках, — свежая ссадина. Не вчерашняя. Сегодняшняя, с запёкшейся тёмной корочкой.

— Вы опоздали на сорок три минуты, — сказала Ася.

Он посмотрел на неё. Спокойно, без вызова.

— Да.

— И всё?

— А что ещё сказать?

— Обычно говорят «простите».

— Простите, — сказал он ровно.

Он произнёс это так же, как «здравствуйте», — и вот опять, опять эта проклятая волна по рукам. Ася встала. Она была высокая, метр семьдесят четыре, и привыкла, что смотрит мужчинам в глаза. С этим пришлось поднять голову, и это разозлило её ещё немного.

— У нас четырнадцать дней, — сказала она. — Тридцать один час чистого звука. Это значит примерно по три с половиной часа записи ежедневно, без выходных, при условии, что всё идёт гладко. Оно не пойдёт гладко. Никогда не идёт. Поэтому каждая минута, которую мы теряем...

— Я понял, — сказал он.

— Вы не поняли.

— Я понял, — повторил он.

И — Ася потом долго это вспоминала — он не стал оправдываться. Не стал рассказывать про пробки, про то, что перепутал линию с проспектом, про больную мать и сломанный домофон. Просто стоял и смотрел, как будто ждал, когда она закончит, чтобы можно было начать работать.

— Кофе? — спросил из коридора Женя.

— Воды, — сказал он.

Ася показала на дверь кабины.

— Туда.

Первые двадцать минут всё было прекрасно. Он сел на стул — стул под ним скрипнул, и она сразу отметила: заметить, подложить войлок. Надел наушники, и она увидела, как он поморщился, когда мягкие амбушюры прижали уши.

— Слышно меня? — спросила Ася в громкоговоритель.

Он поднял большой палец.

— Говорите нормальным голосом, я выставлю уровень. Расскажите что-нибудь. Что угодно.

Он придвинулся к микрофону — слишком близко, все так делают, — и Ася жестом показала: назад, ладонь, вот на такое расстояние.

Он отодвинулся.

— Что рассказать?

Господи. Два слова, и стрелка на её внутренней шкале дрогнула. Микрофон взял его голос жадно: низ был плот-

ный, тёплый, чуть шершавый; в верхах жила эта песчинка, эта трещинка, из-за которой каждый звук получался живым, будто произнесённым не в стерильной комнате с минватой, а на кухне, ночью, в полуметре от чужого уха.

— Ещё, — сказала Ася.

— Что «ещё»?

— Говорите ещё. Что угодно. Что вы ели на завтрак.

Пауза.

— Ничего.

— Почему?

— Не было времени.

— Зато было время опоздать на сорок три минуты.

Он посмотрел сквозь стекло прямо на неё. Стекло в кабине было двойное, слегка зеленоватое, и его лицо за ним выглядело как под водой.

— Вы всегда такая? — спросил он.

— Какая?

— Как будто вам должны денег.

— Мне и должны, — сказала Ася. — Все. Постоянно. Читайте.

Она положила перед собой распечатку. «Сорок дней тишины». Автор — Мартин Соль. Псевдоним, разумеется; в издательстве говорили, он ни разу не давал интервью с открытым лицом.

— Со второй страницы, — сказала она. — Первый абзац пропустим, начнём с «Апрель в том году...». Как будете го-

товы. Не торопитесь.

Он взял листы. Бумага шуршала в его руках слишком громко — она убавила чувствительность на два деления, чтобы не ловить каждый шелест. Он вдохнул.

— «Апрель...

Слово оборвалось. Ася подняла глаза от экрана. Он сидел, глядя в лист. Губы шевельнулись. Наушники сползли на одно ухо.

— «Апрель в том году... п-пришёл...

Что-то случилось с его дыханием. Оно стало коротким, верхним, будто у человека, который поднялся на седьмой этаж без лифта. Микрофон исправно ловил всё: щелчок сухого языка, сглатывание, заминку в горле.

— Простите, — сказал он. — Давайте ещё раз.

— Давайте, — сказала Ася.

— «Апрель в том году пришёл... п-п... — Пауза. Долгая. — ...пришёл ра...

Тишина. Тишина в его наушниках, тишина в кабине, тишина минус шестьдесят два децибела. Он положил листы на пюпитр. Провёл рукой по лицу — от лба к подбородку, медленно, с нажимом.

— Ещё раз, — сказал он.

— Не торопитесь, — сказала Ася, и на этот раз голос у неё вышел другой. Не злой.

Он читал сорок минут. За сорок минут он прошёл полторы страницы. Каждую фразу он начинал заново по три-че-

тыре раза. Спотыкался всегда в одних и тех же местах: на словах, начинающихся с «п», на длинных придаточных, на любом предложении, где надо было говорить дольше пятнадцати секунд. К концу у него на лбу блестела испарина, а рубашка под курткой, которую он так и не снял, потемнела между лопаток.

И самое невыносимое было не это. Самое невыносимое было то, что в те две-три секунды, когда фраза у него всё-таки шла, — это было лучшее, что Ася слышала за последние десять лет. Он не играл. Он не «подавал». Он просто говорил — и в его голосе тот апрель становился настоящим: сырым, ранним, с ледяной водой в ботинках, с запахом мокрой коры. У него внутри явно жил этот текст, весь целиком, до последней запятой; он знал, где нужно замедлиться и где оборвать. У него было то, чему нельзя научить. И он не мог этого произнести. На сорок третьей минуте он снял наушники, положил их на стол и посмотрел на неё через стекло. Ася нажала кнопку.

— Давайте сделаем перерыв.

— Не надо, — сказал он.

— Надо. Мне надо, — соврала она. — Я хочу кофе.

Он вышел из кабины. Вблизи было видно, что у него дрожат пальцы — чуть-чуть, почти незаметно, но она заметила, потому что смотреть на руки — профессиональная привычка: по рукам всегда понятно, когда человек сейчас начнёт шуршать одеждой. Он прошёл мимо неё в коридор. От

него снова потянуло апельсином и холодом. В кухне Лидия Марковна открыла форточку и закурила, не спрашивая разрешения.

— Ну? — сказала она.

Ася прислонилась к косяку.

— Он заикается.

— Я слышала.

— Лидия Марковна, он заикается. В кабине. Один. Без зрителей. Он полтора часа не может прочесть полторы страницы.

— Я слышала, — повторила та и стряхнула пепел в форточку. Ветер тут же унёс его.

— Тридцать один час, — сказала Ася. — За четырнадцать дней. С человеком, который не может произнести слово «апельсина».

— Да.

— Это невозможно.

Лидия Марковна затянулась. Кончик сигареты вспыхнул оранжевым, и на секунду в кухне стало чуть теплее.

— В восемьдесят девятом, — сказала она, — я писала одного мальчика для детской редакции. Он шепелявил так, что у меня в аппаратной свистело в динамиках. Три месяца. Знаешь, кто это был?

— Кто?

— Неважно. Ты всё равно слушала его каждый вечер в заставке.

Ася закрыла глаза. В левом ухе, ровно и терпеливо, пела скрипка. Ля первой октавы. Может, чуть выше.

— У нас нет трёх месяцев, — сказала она.

— Нет, — согласилась Лидия Марковна. — У нас две недели.

Он стоял в коридоре у окна, спиной к ней, и смотрел во двор-колодец. Внизу дворник скрёб лопатой по мокрому асфальту — мерзкий, тягучий звук, металл по камню; Ася поморщилась.

— Послушайте, — сказала она.

Он обернулся.

— Скажите честно. Зачем вы это делаете?

— Что именно?

— Соловьёв — лучший диктор страны. Был бы лучшим и дальше, если бы не гирлянда. Есть Гордеев. Есть Бекетов. Есть двадцать человек, которые прочитают вашу книгу так, что люди будут плакать в пробках. — Она сложила руки на груди. — Почему вы?

Он молчал так долго, что она успела расслышать, как за стеной у соседей работает телевизор.

— Потому что я двенадцать лет писал, — сказал он наконец, — чтобы не разговаривать.

Ася моргнула.

— И?

— И теперь я хочу сказать это вслух.

Он сказал это без пафоса. Тихо, буднично, как «передайте

соль». И почему-то именно от этой будничности у неё жаль что-то под рёбрами.

— Один раз, — добавил он. — Один раз своим голосом. Дальше пусть читает кто угодно.

Дворник внизу перестал скрести. Стало очень тихо.

— Как вас зовут? — спросила Ася. — По-настоящему.

— Марк.

— А фамилия?

— А вам зачем?

— Затем, что я буду орать на вас две недели, и «Мартин Соль» — слишком длинно.

Что-то дрогнуло в углу его рта. Не улыбка. Намёк на возможность улыбки, лет через пять, при хорошей погоде.

— Марк, — сказал он. — Просто Марк.

— Ася, — сказала она. — Просто Ася.

Она протянула руку. Он посмотрел на неё, на свою ссадину на костяшках, и подал левую. Ладонь у него была холодная, с жёсткой кожей у основания пальцев, и от рукопожатия у Аси остался на коже слабый, горьковатый след — апельсиновая цедра. Значит, всё-таки чистил. Всю дорогу.

— Завтра в девять, — сказала она. — Не в девять сорок три. В девять.

— Хорошо.

— И я хочу, чтобы вы кое-что поняли. — Она отпустила его руку. — Я не логопед. Я не психолог. Я не буду вас жалеть. У меня есть микрофон, четырнадцать дней и одна по-

пытка. Я сделаю из вас голос, потому что у меня нет выбора. Но если вы опоздаете ещё раз, я сама сломаю вам челюсть, и мы будем читать книгу хором через трубочку. Договорились?

Он смотрел на неё сверху вниз. И вдруг сказал — тише, чем всё, что говорил до этого:

— Вы не любите, когда вас жалеют.

— Что?

— Вы всё время держите левое ухо ко мне поближе, — сказал он. — Весь разговор. И в кабине вы дважды переспросили то, что я сказал нормальной громкостью.

Внутри у Аси стало холодно и пусто, как в комнате, из которой вынесли мебель.

— Вам показалось, — сказала она.

— Да, — согласился он. — Наверное.

Он взял с крючка свою мокрую куртку. Одной рукой натянул её, и капли с плеча упали на линолеум — три штуки, почти одновременно. Уже в дверях, не оборачиваясь, он сказал:

— До завтра.

И ушёл вниз по лестнице. Ася стояла в коридоре и слушала, как его шаги уходят — седьмой пролёт, шестой, пятый; на четвёртом он на секунду остановился (закурил? посмотрел в окно?), потом пошёл дальше. Хлопнула внизу тяжёлая дверь парадной, гулко, как крышка сундука. И только тогда, в оглушительной пустоте, она поняла, что её смущало с пер-

вой секунды. Она уже слышала этот голос.

Не в кино. Не в рекламе. Ночью, три года назад, в наушниках, в прямом эфире ночной программы, которую она тогда вела на маленькой радиостанции, — когда в три часа сорок минут утра позвонил мужчина, который долго молчал в трубку, а потом сказал шесть слов. Всего шесть. И она весь остаток эфира не могла унять дрожь в руках. Ася медленно вернулась в аппаратную, села к пульту и открыла запись, которую сделала сегодня. На экране вытянулась зелёная гребёнка — обрывки фраз, паузы, короткое верхнее дыхание. Она надела наушники. Хорошие, тяжёлые, они прижали уши так, что мир снаружи исчез. И нажала «play».

«Апрел

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.